

Г.К.Валеев

Челябинский университет

Сингармонический параллелизм башкирского языка и некоторые проблемы уральской топонимии

Вокалическая гармония присуща большинству уральских (финно-пермская, угорская ветви) и алтайских (тюркская, монгольская и тунгусо-манчжурская ветви) языков. Небная и реже губная гармония гласных лексемы диктуется вокализмом корневой морфемы, таким образом, вокалическая гармония представляет собой расширяющуюся прогрессивную ассимиляцию гласных. Одновременно в результате альтернации умляутного характера во многих языках, в том числе даже изначально не имевших, как полагает Петер Хайду, вокалической гармонии (саамский, ливский, ненецкий языки), развивается встречная регрессивная ассимиляция, еще более усиливающая гармонию гласных¹. Как убедительно показал на примере башкирского языка Дж.Г.Киекбаев, в чередующейся оппозиции *a // ä, u // ü, y // e < i, o // ö* узкорядные гласные имеют вторичное, в основном, умляутное происхождение². Как считает А.М.Щербак, “сама по себе вариативность корня не имеет существенного значения и не противопоставлена тюркским языкам по происхождению они (сингармонические параллелизмы. – Г.В.) являются не внутридиалектными, междиалектными или межъязыковыми и могут использоваться как варианты произношения одного и того же слова или как разные слова... Наличие сингармонических параллелизмов – доказательство возможности варьирования корня без каких-либо последствий для гармонии

¹ См.: Языки мира: Уральские языки. М., 1993. С. 10.

² Киекбаев Дж.Г. Фонетика башкирского языка. Уфа, 1958 (на баш. яз.). С. 170.

гласных”³. Ср.: башк. **jänä** // кирг. **žana** ‘снова’; башк. **jaŋy** // азерб., тур. **jeni** ‘новый’; башк. **käbän** // чув. **капан** ‘стог’; азерб. **öküz** // **oquz** – туркм. **öküd** – якут. **oŋus** ‘бык’; башк. **küsär** // башк. *диал.* **kusar** ‘ось колеса’; башк. **säs** // башк. *диал.*, хакас. **sas** ‘волосы’ Сингармонический параллелизм, структурно легко вписываясь в систему тюркских языков, создает известную насыщенность, своеобразную эпифорическую избыточность языка, расширяют его эвфонические возможности, ср.: башк. **ađ** // **äd** ‘мало’, **aqryn** // **äkren** ‘медленный’, **sömgöl** // **soŋyol** ‘омут’, **sös** // **sos** ‘шустрый’.

Между тем новый член оппозиции часто оказывается абсолютным омонимом совершенно другой языковой единицы, напр.: башк. **jän** // **jan** ‘душа’, слово **jan** имеет еще два омонима со своими значениями: 1. ‘лук’, 2. ‘возле, около’; **sajyr** // **säjer** ‘смола’, **säjer** также имеет два омонима: 1. ‘действие’, ‘поступок’, 2. ‘странный’, ‘чудной’; башк. *диал.* **ser** // **syg** ‘тайна’, слово **syg** в башкирском языке имеет еще шесть омонимов⁴.

В этих условиях в многозначном слове особенно при формировании общенародных норм языка члены сингармонического противопоставления, омонимично отталкиваясь, начинают фонетически оформлять разные значения слова. Это явление отмечено в венгерском, монгольских, тунгусо-манчжурских языках. В башкирском языке, как показал на многочисленных примерах Дж.Г.Киекбаев, словам, обозначающим предмет, явление, свойство, действие с незначительными проявлениями признака или действия, соответствует переднеязычный вокализм, а лексемам, называющим значительные явления действительности, соответствует заднеязычный вокалический ряд. Ср.: **bysyu** ‘пилить пилой’, **beseü** ‘резать, кроить ножницами’; **huryu** ‘ударить рукой или палкой’, **hügeü** ‘ругать’; **sugyu** ‘клевать, ударить клювом’, **sükeü**

³ Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., 1994. С. 71.

⁴ Словарь башкирского языка. М., 1993 (на баш.яз.). Т. 2. С. 256.

‘постукивать молотком для придания определенной формы металлу’; *juḡan* ‘большое стеганое одеяло для взрослых’, *juḡyäk* ‘пеленка для ребенка’

Ни в коей мере не абсолютизируя смысловую связь интенсивности проявления признака или действия в слове с сингармоническим параллелизмом, можно в ряде случаев воспользоваться ею как своеобразным этимологическим ключом при разрешении топонимических загадок.

1. В башкирской географической номенклатуре очень широко представлена лексикализованная метафора, восходящая к частям тела человека и животных: *baš* ‘голова’, *tüš* ‘грудь’, *qul* ‘рука’, *küđ* ‘глаз’, *m* // *boron* ‘нос животных, клюв птиц’, *teš* ‘зуб’, *aḡau* ‘коренной зуб’ Поэтому трудно представить, что в географической терминологии не отражена одна из самых известных костей животных – *bäkäl* ‘бабка, астрагал, таранная кость’, у человека – щиколотка. Башкирские синонимы: *aşyq*, *şajтанаşyq*, *kätmän höjäge*. Бабки разных животных, соответственно разных размеров, были любимыми игрушками детворы, особенно мальчиков. Были известны многочисленные “игры в бабки”, в которых даже каждое положение кости в игре имело свое название⁵.

Слово *bäkäl* в диалектах башкирского языка имеет множество вариантов: *bäkälsäj*, *bäkäj*, *bäsäj*, *jäkäl*, *säkälsäj*, *šäkäl*, *šäkäläj*, *säkältäj*, *šäkälsäj*, *šäkäj*, *sököl*, *sököläj*, *šökölsäj*, *säkälsän*, *šäkälsän*⁶. Сингармонические параллели к слову *bäkäl*: *baqaj*, *baqalsaj*, *şaqalaj*, *şaqalaq*⁷.

⁵ О башкирских детских играх в бабки см.: *Галаятдинов Г.И.* Поиграем вместе, друзья. Уфа, 1987 (на баш.яз.). С. 11–13.

⁶ *Словарь башкирского языка*. М., 1993 (на баш.яз.). Т. 1. С. 200; *Галаятдинов Г.И.* Термины, употребляемые в детских играх с луком и в кости // Развитие терминологии башкирского литературного языка: Исследования и материалы. Уфа, 1981. С. 62–64; *Миржанова С.Ф.* Южный диалект башкирского языка. М., 1979. С. 35, 150; *Словарь говоров башкирского языка*. Уфа, 1967–1987 (на баш.яз.). Т. 1. С. 58, 281; Т. 2. С. 62; Т. 3. С. 47, 158.

⁷ Об этимологии слова *bäkäl* см.: *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1978. Т. 2. С. 43–45.

Формы горных выступов, отдельно стоящих гор, их контуры могли напомнить огромные очертания всем известной кости, популярной во многом из-за игр в бабки, игрушкам из этой кости. С учетом сингармонического параллелизма башкирского языка такие горы могли именоваться только **baqal**, и оронимы **Baqal** в Белебеевском районе Республики Башкортостан и в Саткинском районе Челябинской области (город Бакал возник на месте разработки бакалинских руд), **Baqajtau** в Мечетлинском районе Башкортостана можно рассматривать как пример онимизации географического термина⁸. Местонахождение гор **Baqal** и **Baqajtau** не противоречит ареалу диалектных **bäkäl** и **bäkäj**. Показательно, что слово **baqal** 'название горы' в северо-западном диалекте оказалось включенным в словарь башкирских говоров⁹.

2. Башк. **keräkä** // **kräkä** // **kärkä** в литературном языке и в говорах имеет значения 'бугристая припойменная почва', 'топкая земля', 'труднопроходимое горное болото', 'заглохшее озеро'¹⁰. Географический термин нашел отражение в многочисленных гидронимах Башкортостана и восточного Татарстана¹¹. Сингармоническая параллель будет звучать как **qyraqa** // **qraqa** и соответственно обозначать еще большую

⁸ Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980. С. 29; Словарь географических названий Башкирской АССР. М., 1988. С. 24.

⁹ Словарь говоров башкирского языка. Уфа, 1987 (на баш.яз.). Т. 3. С. 30.

¹⁰ Словарь башкирского языка. М., 1993 (на баш.яз.). Т. 1. С. 491, 595; Словарь говоров башкирского языка. Уфа, 1967 (на баш.яз.). Т. 1. С. 101; *Миржанова С.Ф.* Кубалыкский говор башкирского языка: Автореф. дис. канд. филол. наук. Уфа, 1967. С. 17; *Миржанова С.Ф.* Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Т. 4. С. 283; *Валеев Г.К.* Межъязыковые контакты в южноуральской топонимии // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Тез. докл. III Междунар. науч. конф. Челябинск, 1995. Ч. 4. С. 123–126.

¹¹ См.: Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980. С. 82; *Усманова М.Г.* Имя отчей земли: Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмары. Уфа, 1994. С. 185; *Гарипова Ф.Г.* Словарь гидронимов Татарстана. Казань, 1984 (на тат.яз.). С. 79, 187, 197; *Саттаров Г.Ф.* Путешествие в страну названий. Казань, 1992 (на тат.яз.). С. 39.

пересеченность, изрезанность рельефа и вследствие этого малопроезжимость, труднодоступность местности. Именно так характеризуется путешественниками и учеными известный южноуральский горный массив Крака: "Местность очень дикая и совершенно не имеющая путей сообщения; тут нет ни селений, ни башкирских кочевков. Вся эта местность покрыта лесистыми крутыми горами, изрезанными глубокими оврагами и ущельями, множество ручьев бегут оттуда, на каждом шагу пересекая путь. Здесь можно проехать только верхом, имея хорошего проводника. — лучше всего из местных объездчиков"¹². Зоолог С.В.Кириков, долгие годы работавший в Башкирском заповеднике, куда частично входят хребты Крака, пишет: "...отроги Крака шли один за другим как волны. Тогда, прорезавшие горы, были глубоки и крутостенны"¹³. Приведем еще одну, сугубо геологическую характеристику горной страны, данную геоморфологом Н.П.Вербицкой: "Характерной особенностью рельефа массивов Крака является их сильная расчлененность. Густая перистая разветвленная сеть рек и логов глубоко врезана в склоны, вследствие чего образовались узкие гребни, расходящиеся радиально от узловых водораздельных вершин"¹⁴.

Таким образом, можно говорить о паричательном слове, географическом термине **q̣yraqa** // **q̣raqa**, описывающем труднодоступную горную страну. Только так можно понять это слово в древней башкирской сказке о Сура-батыре: *Сура батыр яу килг-нен ишетк с, ике кызын Урал кыракаһынын таи тишеген алып барып йшерг и* (Сура-батыр, услышав приближение войска, спрятал двух своих дочерей в каменной пещере уральской кыраки). Хотя это слово включено с пометой *диал.* в "Словарь башкирского языка"¹⁵, местное население не понимает названия и этимологизирует его как **qyr(ly) arqa**

2

¹² Весновский В.А. Иллюстрированный путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1904. С. 440–441.

Кириков С.В. По Южному Уралу и Башкирии. М., 1989. С. 27

¹⁴ Цит. по: Матвеев А.К. Вершины Каменного Пояса: Названия гор Урала. Челябинск, 1990. С. 251.

¹⁵ Словарь башкирского языка. М., 1993 (на баш.яз.). Т. 1. С. 732.

‘гребенный хребет, хребет с гребнями’ или как **qyrk arqa** ‘сорок (т.е. много) хребтов’¹⁶.

3. Среди многочисленных объяснений названия **Урал** скромное место занимала попытка толкования его через эвенкийское **урэ-л**: **урэ** ‘гора’¹⁷, **-л** – древний аффикс множественного числа с собирательным значением в алтайских языках¹⁸. Общеизвестно, что топоним **Урал** первоначально соотносился только с Южным Уралом, видимо, конкретно с современным хребтом Урал-Тау. Сомнительно, что эвенкийское название могло быть перенесено контактировавшими с эвенками народами столь далеко на запад.

В свою очередь, в башкирском языке одна из продуктивных языковых основ **ür-** со значением ‘подъем’, ‘подниматься’ ‘взбираться’ ‘вверх’, **üreleu**, **ürläu** ‘подниматься, виться, поднимаясь вверх’ **ürmäläu** ‘карабкаться, ползти, цепляясь вверх’ **ürkäs** ‘седловина между двумя парными вершинами’ **ürmä**, **ürelmä** ‘растущий, цепляясь вверх’, **ürläš** ‘подъем’¹⁹.

Используя тот же аффикс собирательной множественности **-л**, А.М.Азнабаев сделал попытку объяснить образование слова **Урал** от **ürä-l**²⁰. При таком допущении остается нерешенным ряд проблем фонетического и семантического характера. Между тем **üräl** когда-то в диалектах общетюрк-

¹⁶ См.: Кириков С.В. По Южному Уралу и Башкирии. М., 1989. С. 27

¹⁷ Сравнительный словарь тунгусо-манчжурских языков. Л., 1977. Т. 2. С. 289; этимологии слова **Урал** см.: Матвеев А.К. Вершины Каменного Пояса: Названия гор Урала. Челябинск, 1990. С. 10–13.

¹⁸ См.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М., 1988. С. 14; Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986. С. 89.

¹⁹ Словарь башкирского языка. М., 1993 (на баш.яз.). Т. 2. С. 496–497; Словарь говоров башкирского языка. Уфа, 1967 (на баш.яз.). Т. 1. С. 247; Уфа, 1987. Т. 3. С. 198.

Азнабаев А.М. Древнейшие аффиксы множественного числа в топонимах Башкирии // Ономастика Поволжья. 3. Уфа, 1973. С. 282–287; Азнабаев А.М., Псянтин В.П. Историческая морфология башкирского языка. Уфа, 1976 (на баш.яз.). С. 22.

ского языка, легших в основу в том числе и башкирского языка, уже мог обозначать ‘взгорки’, ‘небольшие горы’, ‘подъемы’ Привлечение приема, видимо, можно уже так говорить, сингармонического параллелизма в топонимии позволяет, не обращаясь к материалу далекого от Урала эвенкийского языка, допустить, что апеллятиву *üräl* (*ürä* (*ä* < *e*) – ед. ч., *ürä-l* – мн. ч.) ‘подъемы’ ‘небольшие горы’ коррелировало слово *ural* ‘горы’ ‘горные хребты’ Башкирское название хребта **Урал-Тау**, к которому, видимо, относился первоначально топоним **Урал**, таким образом, как часто бывает в ономастике, тавтологично: “гора **Гóры**”, “горные горы” Возможно, не случайно составители “Книги Большому Чертежу” скалькировали это название как **Аральтова гора**.

Таким образом, орографическая терминология, в первую очередь, оказалась богатным материалом для проверки действия сингармонического параллелизма на практике. Еще раз подтвердилась старая истина: чем значительнее объект, тем древнее его название. Не удивительно, что старые апеллятивы, обозначающие значительные объекты, в виду единичности называемых явлений давно перешли в разряд собственных имен. На долгом пути передвижения на запад башкирские племена, надо думать, прошли мимо многих бакалов, кырак, уралов. Показательно, что название отдельной горы, хребта с приметной горой в башкирской топонимии **Бакал** фиксируется несколько раз, горной страны – **Кырака** // **Крака** – только однажды, зато в древней сказке сохраняется нарицательное значение слова, а имя горной системы **Урал**, единственной в своем роде, дошло до нас только в качестве собственного имени.

В заключение отметим, что сингармонический параллелизм совершенно не улавливается “русским фонетическим слухом”, соответственно русская графика полностью нивелирует это явление, что лишний раз дает повод объединить в одной словарной статье расходящиеся значения или совершенно разные слова, закрепившиеся за сингармоническими оппозициями, но это уже предмет другого разговора.